

УДК: 91: 316.42: 001

Сетевой дискурс в философии: история и современность

Т. А. Капитонова, кандидат философских наук, научный сотрудник*

В статье рассматривается эволюция сетевого дискурса и дается оценка его методологического потенциала в контексте проблемных интенций современной философии.

Network Discourse in Philosophy: History and Modernity

T. A. Kapitonova, PhD in philosophy, research assistant

At the article the evolution of the network discourse is analyzed and the assessment of its methodological potential at the context of the contemporary philosophy problem intentions is provided.

Концепт сети как полицентрического системного образования достаточно широко артикулируется сегодня не только в контексте современной постнеклассической науки, где сеть выступает важным методологическим инструментом для изучения систем взаимодействия разнокачественных объектов, но и в более широком философском контексте.

Сетевая конфигурация постнеклассической рациональности, ориентированная на постижение сопричастности и всеобщей циклической связи вещей в пространстве децентрализованного универсума, предоставляет нам концептуальный маркер для обозначения изоморфизма сетевых взаимодействий в различных структурах, начиная от социокультурных макроструктур (общественные движения, учреждения бизнеса, системы коммуникации, языковые взаимосвязи) и заканчивая микро- и мегаструктурами (нейронные сети, звездные скопления). На смену постмодернистскому поликонтекстуальному, коллажному образу реальности приходит универсальная метафора единой сети, отражающая голографическую целостность, упорядоченность и сложность мира наряду с имманентными тенденциями его самоорганизации.

Генезис сетевого дискурса в системе философского знания связывают с идеями англо-американского философа *Грегори Бейтсона* (1904—1980) и его холистической интерпретацией универсума [1]. В качестве альтернативы механистическому мировоззрению Г. Бейтсон предлагает трактовку мира как неразрывного холистического единства всех его частей, необходимо связанных друг с другом причинно-следственными цепями. В рамках его сетевой концепции получает свое дальнейшее развитие холистический принцип, следуя которо-

му картина мира как единое целое представляет собой бесконечную регрессию контекстов, связанных друг с другом сложной сетью метаотношений. Холистический принцип дополняется принципом сетевой причинности, смещающей акцент с целенаправленной рациональности на взаимосвязанные петли обусловливания, что позволяет представить реальность целого как состоящую из сложноветвящихся и переплетающихся цепей причинности.

В сетевой концепции Г. Бейтсона прослеживается тесная связь онтологии с гносеологией. В частности, с позиций неразрывного холистического единства трактуется и традиционная субъект-объектная дихотомия, так что центр тяжести переносится с отдельных элементов гносеологического процесса на взаимосвязь между ними. При этом объект в сетевой концепции категориально трактуется не как вещь, а как совокупность отношений, как некий результат сложных взаимодействий внутри системы. Это приводит к тому, что объект, понимаемый как эффект системности, в конечном итоге редуцируется к сети отношений и утрачивает, таким образом, свое устойчивое субстанциальное единство, замещаясь понятием сети.

Субъект в результате подобной интерпретации объекта также утрачивает свою субстанциальность и становится узлом, пересечением, наслоением друг на друга взаимосвязей некоторой сети. При этом задачей, функцией субъекта, определяющей его активную роль в процессе организации собственного перцептивного опыта, является создание, конституирование действительности. Ведь мир сам по себе не содержит никакой информации. И именно познающий субъект создает описания окружающей среды, конструирует ее.

Оригинальность сетевой эпистемологии Г. Бейтсона обусловлена не только новаторской трактовкой субъект-объектного взаимодействия, но и но-

*Научный сотрудник Института философии НАН Беларуси.

вой интерпретацией природы разума, который больше не считается исключительно человеческой прерогативой, а становится характеристикой некоторых типов сложности, независимо от их происхождения и природы. Согласно данной интерпретации, разум отождествляется со способностью к самообучению, т. е. способностью действовать на основе метода проб и ошибок, используя принцип обратной связи.

Стоит отметить, что в сетевой эпистемологии Г. Бейтсона принцип обратной связи приобретает практически универсальный характер и во многом определяет самостоятельный и уникальный, нередуцируемый характер сетевой методологии. В рамках целостной системы, понимаемой как совокупность кольцевых причинно-следственных цепей, т. е. винеровских петель обратной связи, данный принцип обеспечивает сетевой тип взаимной детерминации элементов и придает определенную устойчивость сетевым структурам реальности.

В общем виде винеровская петля обратной связи представляет собой циклическую (кольцевую) систему причинно связанных элементов, каждый из которых воздействует на последующий. В итоге последний элемент через последовательность опосредований возвращает первому элементу начальное воздействие, но уже в модифицированном виде. В результате того, что информация о результате воздействия возвращается к его источнику, телеологически организованная система получает возможность саморегулироваться и самокорректироваться [2].

Стоит указать на особую плодотворность принципа обратной связи в гуманитарном познании, где феномен саморегуляции и коррекции отношений приобретает существенное значение, а «центр» системы образуется на основе существенно редуцируемой обратной связи. Использование данного принципа, выступающего в качестве необходимого условия сохранения социокультурной целостности, открывает нам широкие возможности для исследования сетевых взаимодействий в социуме.

Дальнейшее развитие сетевой дискурс получает в работах физика и философа *Фритьофа Капры* [3], позиционирующего сеть в качестве метафоры для нового эоцентрического видения реальности, в центре которого находится сама жизнь как таковая, а человек трактуется лишь как особая паутинка в целостной паутине жизни. В его концепции глубинной экологии постулируется врожденная ценность всех живых существ, которые как члены экологических сообществ объединены сетью взаимозависимостей.

С точки зрения *Ф. Капры* сеть выступает в качестве центрального концепта при анализе измене-

ний в современной социальной парадигме, в частности при описании ее фундаментального сдвига от иерархических организаций к сетевым. Если в иерархической социальной структуре власть предстает как реализация гипертрофированной ценности самоутверждения в форме господства над другими, то в сетевой организационной структуре значимой ценностью выступает интеграция социума, а власть ассоциируется, прежде всего, со способностью влиять на других.

В дальнейшем осмыслении феноменов социогуманитарного знания в системе координат сетевого дискурса мы сконцентрируем свое внимание на тех представителях социальной теории, которые изучают специфику формирования и особенности функционирования сетевой формы социальной организации. Первые работы в данном направлении связаны с социологической теорией модерна *Д. Гэлбрейта, Д. Белла, Э. Тоффлера*, описывающей зарождение и развитие сетевой топологии социального пространства [4]. В числе прочего они подчеркивают такую важную тенденцию современного общества, как распространение сетевых моделей взаимодействий в различных сферах жизнедеятельности людей: экономике, политике, коммуникации, культуре и т. п.

Продолжает данную традицию и *Мануэль Кастельс*, который в своих работах предпринимает развернутый анализ экономических, политических и культурных основ современного сетевого общества [5]. Определяя организационную и структурно-функциональную специфику многоуровневой и динамично развивающейся социальной реальности как сетевую, М. Кастельс особенно подчеркивает роль новых информационных технологий как материальной основы для всестороннего развития сетевой структуры общества. «В условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших сообществ, которая сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [6].

При разработке своей сетевой концепции М. Кастельс совместил исследования макро- и микроуровней, использовал междисциплинарные подходы, реализовал многофакторный анализ, что в целом позволило ему обозначить рубежи происходящей социальной трансформации. По его мнению, такая характерная особенность сетевой социальной конфигурации, как доминирование социальной морфологии над социальным действием и отказ от иерархического принципа орга-

низации общественных институтов, находит свое проявление на разных уровнях общественных взаимодействий: в экономике это сетевое предприятие, в политике — интерактивная, чуткая к волеизъявлению граждан политическая система, в культуре — единая мировая информационная сеть Интернет и глобальные масс-медиа.

Проблему развития сетевых коммуникаций в широком социальном контексте рассматривает *Джон Нейсбит* в своем анализе системоопределяющих тенденций развития американского общества [7]. Он исследует новый сетевой принцип управления, возникший при переходе от общества, скованного жесткими рамками «или-или», к обществу с многовариантным поведением и тенденциями, которые зарождаются снизу и уходят вверх социальной организации. Дж. Нейсбит указывает также на новые формы организации труда, которые стали возможными в информационном обществе на основе использования сетевой парадигмы.

Анализу сетевого или «программированного общества» посвящена книга *Алена Турена* «Возвращение человека действующего» [8]. По его мнению, современное общество, в котором все большую роль играют компьютерные системы, объединенные в мощные коммуникационные сети, становится в своей глубинной сущности обществом программируемых коммуникаций. В сетевом/программированном обществе, активно использующем сложные системы информации и коммуникаций, центры принятия решений распределены и представляют собой самоорганизующуюся и самоизменяющуюся систему без центрального пункта управления. Суть произошедших сдвигов в организации общественной жизни состоит в переходе к новому типу общества, более мобильному, более самоорганизующемуся, способному создавать все новые модели управления и осуществлять культурные нововведения.

Более сложная и открытая для разнообразных трансформаций модель организации общества оказывается вместе с тем менее стабильной и более подверженной внутренним конфликтам, проявляющимся в виде широкого спектра различных социальных действий и движений. При этом сердцевину всех социальных конфликтов и движений подобного общества составляет его область знаний о себе и о социальном действии, его интеллектуальный мир, способствующий самопорождению и углубленной саморефлексии социума.

Геополитической парадигме сетевых структур, выступающих в качестве новых агентов глобализации, посвящены работы *Майкла Хардта* и *Антонио Негри*. В своей книге «Империя» они следующим

образом характеризуют современные структуры власти: «Это — децентрированный и детерриториализованный, то есть лишенный центра и привязки к определенной территории, аппарат управления, который постепенно включает всё глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы. Империя управляет смешанными, гибридными идентичностями, гибкими иерархиями и множественными обменах посредством модулирования командных сетей» [9]. Согласно данной парадигме, в глобализационном пространстве как глобальном поле информационного взаимодействия сосуществуют множество пересекающихся, накладывающихся друг на друга внешних управлений, исходящих от анонимных сетевых субъектов. Таким образом, спецификой глобализации является наличие безадресного, анонимного управления, суть которого состоит в порождении независимых сетевых структур в социуме.

С позиций сетевого дискурса представляют интерес и работы французских постструктуралистов (*Ж. Делеза*, *Ф. Гваттари*, *Ж. Деррида* и др.), исповедующих постмодернистскую идеологию децентрирования и гетерогенности социокультурной целостности, сущность которой хорошо схватывается понятием «ризома», предложенным *Жилем Делезом* и *Феликсом Гваттари* в одноименной работе [10].

В ботанике термин «ризома» означает такое строение корневой системы, в которой отсутствует центральный стержневой корень, но имеет место множество хаотически переплетающихся корешков. В более широком смысле термин «ризома» может служить образом мира, в котором отсутствуют централизация, упорядоченность и симметрия. Согласно ключевому принципу ризомы, который может быть обозначен как «связь и гетерогенность», каждая точка корневища может быть соединена с любой другой: ризома не имеет исходного пункта развития, она децентрирована и антииерархична. Философская уникальность данного термина состоит в том, что он «четко передает сущность сетевых технологий и одновременно указывает на их взаимосвязь с мировоззренческим контекстом культуры постмодерна» [11]. В данной работе *Ж. Делез* и *Ф. Гваттари* показывают инаковость сетевого мира, который не может быть охвачен привычными — логоцентричными категориями мышления, и указывают на необходимость переосмысления реальности. Они противопоставляют закрытым и центрированным системам типа машины или организма открытые и децентрированные ризоматические множества, в которых координация операций и синхрониза-

ция общего результата достигаются в отсутствие единого руководящего органа.

Значительное влияние на эволюцию сетевого дискурса оказал *радикальный конструктивизм* — междисциплинарная научная парадигма, заложившая основы неклассической концепции реальности (Г. Рот, Х. фон Ферстер, Э. фон Глазерсфельд) [12]. Согласно позиции радикального конструктивизма, познающий субъект активно организует свой перцептивный опыт, конституируя таким образом окружающую его действительность. В этой связи, широкое распространение получает идея конструируемого характера социокультурной действительности как того, что активно создается, конструируется наблюдателем и несет индивидуальную ценность и смысл.

Эпистемология радикального конструктивизма подвергает критике классическую теорию репрезентации знания, в основе которой лежит принцип соотношения знания с объективной действительностью. С позиций конструктивистской эпистемологии знание представляет собой не отражение объективной действительности, а скорее ее кибернетическую модель. Суть данной модели заключается в том, что знание является состоянием когнитивной системы наблюдателя как части познаваемой им самой действительности. Говоря другими словами, знание представляет собой, прежде всего, механизм адаптации к окружающей действительности, т. е. оно социально и исторически обусловлено. Другим важным следствием конструктивистской методологии в сфере познания является принцип мировоззренческого плюрализма, т. е. признание существования различных версий реальности, каждая из которых обладает правом быть истинной.

Особую ценность для осмысления ряда важных аспектов сетевого дискурса представляет социологическая концепция конструктивиста *Пьера Бурдьё*. В его концепции предложена особая архитектура социального пространства, представляющего собой сеть коммуникаций или информационных каналов (а не традиционную сеть взаимосвязанных акторов), которые разнонаправленно охватывают социальную реальность и структурируют социальные влияния [13]. Обретение места и структуры диспозиций в сетевых взаимовлияниях социального пространства получает у П. Бурдьё название «*габитуса*». Данная сетевая модель представляет общество в виде совокупности разных индивидуальных габитусов, которые определяют структуру социальности, совокупность классов и социальных практик в обществе. Получение определенного габитуса, т. е. места в сплетении разномерных сетей, автоматически не только наделяет социального субъекта массой ролевых функ-

ций и зависимостей, но и предоставляет уникальные коммуникационные привилегии, отсутствующие в других габитусах.

Исследование коммуникативных аспектов сетевого дискурса, в том числе его эпистемологических предпосылок, представлено в направлении *трансцендентальной прагматики*, разрабатываемом *Карлом-Отто Апелем и Юргеном Хабермасом*. Если Ю. Хабермас, автор теории коммуникативного действия, пошел по пути обоснования теории общества на универсальных принципах языковой практики, свойственных любому историческому обществу, то К.-О. Апель, автор теории коммуникативного сообщества, предпочел искать трансцендентальное обоснование социальных норм. Объединяет этих исследователей общий взгляд на социум как на коммуникативное сообщество, а также использование прагматистского инструментария для анализа предпосылок и условий коммуникации и дискурса [14].

К числу трансцендентальных условий сетевой коммуникации К.-О. Апель относит две формы компетентности: языковую (грамматическую) и коммуникативную (прагматическую). Грамматическая компетенция представляет собой компетенцию в применении правил синтаксиса и семантики и отвечает за образование правильных высказываний. В свою очередь, коммуникативная компетенция, изучением которой и занимается трансцендентальная прагматика, предполагает применение, главным образом, прагматических правил. При этом регулятивным принципом прагматического анализа выступает полная intersubjectивность в интерпретации мира. Соответственно, трансцендентальная прагматика изучает условия и возможности intersubjectивного согласия в рамках коммуникативной общности/сети.

В заключение отметим, что осознание сложного и многомерного характера динамично развивающейся социальной реальности наряду с кризисом субъект-объектной парадигмы в гуманитарных науках во второй половине двадцатого столетия выступили в качестве важных системных причин возникновения и развития сетевого дискурса как философского проекта. Его артикуляция позволяет не только выявить новые явления современного социогуманитарного знания в причинно-следственной системе координат, но и дать им соответствующую интерпретацию и осмысление, а также сформировать действенную методологию для изучения реальных практик функционирования современного социума.

Автор благодарит Белорусский Республиканский фонд фундаментальных исследований (грант № Г09М-051) за финансовую поддержку.

Список цитированных источников

1. *Бейтсон, Г.* Экология разума: избр. ст. по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Г. Бейтсон. — М., 2000.
2. *Пигалев, А. И.* Бог и обратная связь в сетевой парадигме Грегори Бейтсона / А. И. Пигалев // *Вопр. философии.* — 2004. — № 6.
3. *Capra, F.* The Hidden Connections: A Science for Sustainable Living / F. Capra. — New-York, 2002.
4. *Гэлбрейт, Дж.* Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. — М., 2004.
5. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — М., 2000.
6. *Кастельс, М.* Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология.* — М., 1999.
7. *Нейсбит, Дж.* Мегатренды / Дж. Нейсбит. — М., 2003.
8. *Турен, А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. — М., 1998.
9. *Хардт, М.* Империя / М. Хардт, А. Негри. — М., 2004.
10. *Делёз, Ж.* Ризома / Ж. Делёз, Ф. Гваттари // *Философия эпохи постмодерна.* — Минск, 1996.
11. *Емелин, В.* Ризома и Интернет / В. Емелин. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://emeline.p Narod.ru/rhizome.htm>
12. *Цоколов, С. А.* Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания / С. А. Цоколов. — Мюнхен, 2000.
13. *Бурдьё, П.* Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё. — СПб., 2005.
14. *Назарчук, А. В.* Ю. Хабермас и К.-О. Апель: два подхода к обоснованию теории общества в современной немецкой философии / А. В. Назарчук // *Рус. филол. вестн.* — 1998. — № 5.

Дата поступления в редакцию: 16.02.2011 г.